

Эта, четвёртая, книга стихов составлена из стихотворений, написанных Евгенией Джен Барановой за последние три года. Книга подтверждает, что у автора есть свой поэтический характер. Одним из признаков этого своеобразного характера является представляется внутренняя свобода, с которой строит Баранова своё стихотворение. При, казалось бы, повествовательной интонации, движение стиха не подчиняется прозаической логике «сюжета». Движение это передаёт кардиограмму стихотворения, идущего от образа к образу. От эмоционального всплеска – к следующему.

Туда, где кормят гречкой,
где жёрдочка тонка,
стирает человечка
тяжелая река.

И линиями ножек,
и кляксой головы
он хочет быть продолжен
такими же, как вы.

Он хочет быть повсюду,
упрятаться, живой,
за бабкину посуду,
за шкафчик угловой,

работать на контрасте,
плясать издалека...
Но не теряет ластик
волшебная рука.

Баранова гораздо на непредсказуемые переходы, и это её умение постоянно держит интерес читателя. Образная система автора подразумевает более широкое восприятие текста, чем тема стихотворения.

Зря нарисованный павлин
стучит в ребро – там грусть и шорох –
прогорклый звук не отличим
от остального разговора.

Когда молчу – мне день не бел.
Когда хриплю – гогочет дворня.

Я остаюсь сама в себе,
как флешка, выдранная с корнем.

Так мячик, брошенный, ничей,
минуты две не понимает,
что он лишь царь, что он лишь червь,
и потому его пинают.

Прогулка по садам её поэзии увлекает, озадачивает, выход стихотворения не навязывает разумеющейся концовки, лишён всяческой дидактики, читателю достаётся послевкусие, путь от прочувствованного к осмыслению. От этих стихов веет свежестью мировосприятия, и даже самые грустноватые по настроению строки не теряют общего позитивного настроения.

Так стоишь и сопишь, утомлённая сводня,
лампа-лапа-растяпа, живой огурец.
Только принял вчера, нужно выжать сегодня,
годовых на коленку примерить колец.

Чем подушка полна? Кто присутствует в теле?
Кто чеканит морщинок кудрявый ожог?
Мы так долго живём, что, скажи, не весне ли
подбегать в переулке с карманным ножом?

Для чего мне гортань, альвеолы, желудок,
если я не могу о серьёзном хрипеть?
Мы так долго живём, погружённые в чудо,
что осталось молчать, что осталось терпеть.

И даже, на первый взгляд, банальные строки, оглядывающиеся назад, в историческое прошлое, разворачиваются в неожиданную, но психологически достоверную картинку, созданную поэтическим воображением поэта, переживанием жизненной драмы или трагедии:

Дети кремлёвских спален слушают пианино.
Радионяня Сталин ловит остывший дым.
Время летит над всеми набережной недлинной.
Время летит над нами Чкаловым молодым.

Фабрика-комсомолка не выключает примус.
Главная рыба рыщет, маленькая клюёт.
Скоро шальную шею у головы отнимут.
Синий платочек треплет радуга-самолёт.

Способность удивляться свойственна поэту. Благодаря этой способности, поэт удивляет читателя, независимо от того движется ли

авторская мысль от шутового к глубокому взгляду на вещи, или, наоборот, от серьёзного к ироничной шутовости, она мысль укладывается в дистанцию стихотворения, каким коротким или протяжённым оно ни казалось.

Не кузнечик ждёт за печкой –
мертвецы.
Что рассказывал о вечном
Лао-Цзы?

Кто там, кто на фотоснимке
в Рождество?
Зайки, клоуны, снежинки –
никого.

А если сюжет стихотворения держится на повествовательной стихотворной речи, Баранова не теряет стремительного движения поэтической мысли, укладывая в строфу объём информации, для которой прозаику потребовалось бы потратить немалое количество абзацев. Это ещё одно свидетельство художественного мышления автора.

Взрослых не существует, – говорит Николай Алиске.
Алиска кивает, просит сушёных фиников.
Кто, как не дети, в долг дают без расписки,
карамель похищают с блюдечка в поликлинике.

Кто, как не дети, в офис проносят пиво,
верят обрядам, лечат обиду матом.
Николай продолжает:
вырастешь – станешь лживой,
как Гулия Аркадьевна из десятой,

и будешь ворочаться гулко во чреве спальни,
и будешь домой возвращаться как можно тише.
Алиска согласна. Ей хочется торт миндальный.
Ей хочется к маме.
Но Коля её не слышит.

У Евгении Джен Барановой очень молодой голос, её стихи наполнены брожением чувств и внимательным взглядом в окружающую жизнь:

За что? За что? За что? Я штольня, что ли, вам.
Я маленькая тень от профиля большого.
Поэзия есть схрон. Поэзия есть хлам.
Поэзия есть плен непойманного слова.

Право, лучше не скажешь.